

УДК 902

ЕЛГИНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ПРИБАЙКАЛЬЯ

© А.В. Харинский

В III в. до н. э. – IV в. н. э. на территории двух смежных культурно-исторических областей Байкальской и Ангара-Ленской проживало население, обладающее схожими погребальными традициями, что позволяет объединить их в рамках одной культурной общности – елгинской. Переселившись в конце I тыс. до н. э. из Забайкалья, протоелгинцы-сотниковцы сформировали оригинальную культуру, испытывавшую значительное влияние со стороны своих южных соседей – хунну. Елгинцы хоронили умерших в могильной яме на боку, с подогнутыми ногами, головой ориентировали на юго-восток. Над ямой сооружалась каменная кладка овальной или четырехугольной формы.

Ил. 12. Табл. 2. Библиогр. 32 назв.

Ключевые слова: Железный век, Прибайкалье, захоронения елгинского типа, погребальный ритуал, сопроводительный инвентарь, предметы хуннского круга.

ELGA TYPE BURIALS OF BAIKAL REGION

A.V. Kharinskii

In the III. BC – IV century. AC in the two adjacent cultural and historical areas of the Baikal and the Angara-Lena lived population possessing similar burial traditions, that allows you to combine them into a single cultural community – elginskaya. After moving out from Transbaikalia dated by the end of I thousand BC. protoelginty-sotnikovtsy formed the original culture, was greatly influenced by their southern neighbors – the Huns. Elginty buried their dead in a burial pit on its side, with bent legs, his head was oriented in the south-east. Over the pit was constructed masonry oval or square shape.

12 figures. 32 sources.

Key words: Iron Age, Baikal region, elga type burials, funerary ritual, accompanying inventory, Hun circle items.

Введение

В конце III в. до н. э. в Центральной Азии складывается первая «кочевая империя». Ее основатели – хунну – подчинили своей власти многие центральноазиатские и южносибирские народы. Некоторые из них, не желая покоряться завоевателям, пытались скрыться на периферии «кочевого мира». К числу таких районов можно отнести побережье озера Байкал, Южное Приангарье и верхнюю часть долины р. Лены. Здесь уже в конце II – начале I тыс. до н. э. распространяется скотоводческий тип хозяйства (Харинский, 1995; Туркин, 2004). Но из-за ограниченности пастбищных угодий в этих районах получило развитие лишь полуоседлое скотоводство.

О появлении в конце I тыс. до н. э. к западу от Байкала нового населения свидетельствует распространение в этом регионе захоронений с погребальным ритуалом, отличным от бутухейских и плиточных могил, известных здесь в более раннее время (Харинский, 2005). Переселенцы из Забайкалья хоронили умерших в могильной яме на боку, с подогнутыми ногами, головой ориентировали на юго-восток. Над ямой сооружалась каменная кладка овальной или четырехугольной формы. Один из наиболее крупных могильников с подобным погребальным ритуалом обнаружен на о. Ольхон возле села Елга. Его название и было выбрано для наименования некрополя и зафиксированного на нем ритуала (Горюнова, 1993; Горюнова, Пудовкина, 1995; Харин-

ский, 2001; 2002; 2003). Имеющиеся к настоящему времени данные позволяют считать, что елгинский погребальный обряд начал формироваться в Южном Забайкалье в V–III вв. до н. э. на основе культурной общности, оставившей захоронения сотниковского типа (Харинский, 2006). В III–II вв. до н. э. сотниковцы мигрируют в Предбайкалье и Восточное Забайкалье. С конца I тыс. восточнозабайкальская и предбайкальская группы сотниковцев развиваются самостоятельно. Первая из них становится основой для формирования носителей дарасунского погребального обряда, а вторая – для елгинцев и пришедших им на смену на побережье Байкала черенхынцев (Харинский, 2001, с. 106–107).

Елгинский и хуннуский погребальный ритуалы кардинально отличаются друг от друга. Отсутствие к западу от Байкала захоронений, выполненных с учетом хуннуской погребальной традиции, свидетельствует о том, что в этом регионе не было постоянного хуннуского населения. Хунну не пытались закрепиться на территории лесостепного Предбайкалья, занятой елгинцами. Вероятно, отдельные районы Предбайкалья периодически облагались данью, но такой вид эксплуатации, безусловно, носил временный характер. Свидетельств постоянного пребывания хуннуских гарнизонов к западу от Байкала не обнаружено (Харинский, 2004а; 2005б). Однако культурное влияние хунну на народы, проживавшие вблизи границ их державы, было значительным. Многие вещи, находимые на археологических памятниках елгинской эпохи Предбайкалья, имеют явное хуннуское происхождение. Поэтому вполне правомерно рассматривать культурно-исторические процессы, протекавшие в Южной Сибири в конце I тыс. до н. э. – начале I тыс. н. э., как часть истории народов Центральной Азии и соотносить их с хуннуским временем.

Изменение погребального обряда, фиксируемое у потомков сотниковцев в Предбайкалье, вероятно, было обусловлено влиянием на них со стороны носителей культуры плиточных могил и бутухейцев, с которыми они соседствовали на некоторых участках байкальского побережья более ста

лет. Под их воздействием восточная ориентировка сотниковцев меняется на юго-восточную, а надмогильные кладки стали плоскими 1–2-слойными, как у бутухейцев. Изменения, произошедшие с сотниковцами на западном берегу Байкала, привели к формированию новой культурной общности – елгинской (Харинский, 2006а).

К настоящему времени елгинские захоронения отмечены на 13 прибайкальских могильниках: 6 в Приольхонье – Куркутский комплекс 1, Куркутский комплекс 2 (Асеев, 1980), Будун I (Харинский, 2002), Елга 7 (Горюнова, Пудовкина, 1995), Хадарта 2 (Павлуцкая, 1990), Цаган-Хушун 2 (Харинский, Коростелев, 2011, 2011а; Коростелев, 2011); 2 на северо-западном побережье Байкала – Байкальское 27 (Коростелев, Харинский, 2010), Байкальское 31 (Харинский, 2004); 1 на юго-восточном побережье Байкала – Посольск (Хамзина, 1960); 2 на Верхней Лене – Белоусово (Окладников, 1978), Старый Качуг (Зубков, 2010); 2 в Южном Приангарье – Остров Осинский (Смотрова, 1991), Игетейский Лог 2 (Уваров, Бердникова, 1987). Благодаря их распространению определяется ареал елгинской культурной общности (рис. 1).

Топография и планиграфия могильников

К настоящему времени обнаружено 47 елгинских захоронений. Только 4 из них не были разрушены в древности (табл. 1). В большей части елгинских захоронений скелет не сохранил анатомического порядка, значительная часть человеческих костей отсутствовала. Поэтому в полной мере охарактеризовать погребальный ритуал, с учетом которого осуществлялось захоронение умерших бывает сложно. Кроме этого, на елгинских могильниках часто встречаются археологические комплексы, включающие яму без остатков человеческих захоронений и следов разрушения, перекрытую сверху каменной кладкой. Подобные конструкции предварительно определялись как поминальники. Чтобы избежать путаницы, при определении общего количества елгинских захоронений к их числу были отнесены только те комплексы, в ямах которых обнаружены человеческие кости. Такой подход

не исключает того, что часть комплексов, обозначенная как поминальники, тоже является захоронениями. Вполне может быть, что во время разрушения из их ям полностью были извлечены человеческие кости.

Большинство из известных к настоящему времени елгинских захоронений единичны. В Посольске и Игетейском Логе 2 они представлены одиночными захоронениями. На могильниках: Куркутский комплекс 1, Куркутский комплекс 2, Будун 1, Хадарта 2, Белоусово, Старый Качуг, Байкальское 27 помимо единичных елгинских захоронений присутствовали могилы с

иным погребальным ритуалом. Два елгинских захоронения зафиксировано на могильнике Байкальское 31 и три на Острове Осинском. Первый из них в полной мере назвать елгинским невозможно, так как большинство захоронений, исследованных на нем, выполнены по бутухейскому погребальному ритуалу. Второй, кроме елгинских, включает и бурятские захоронения. При этом не исключено, что часть захоронений могильника Остров Осинский была затоплена во время создания Братского водохранилища. Два могильника, которые можно действительно рассматривать как

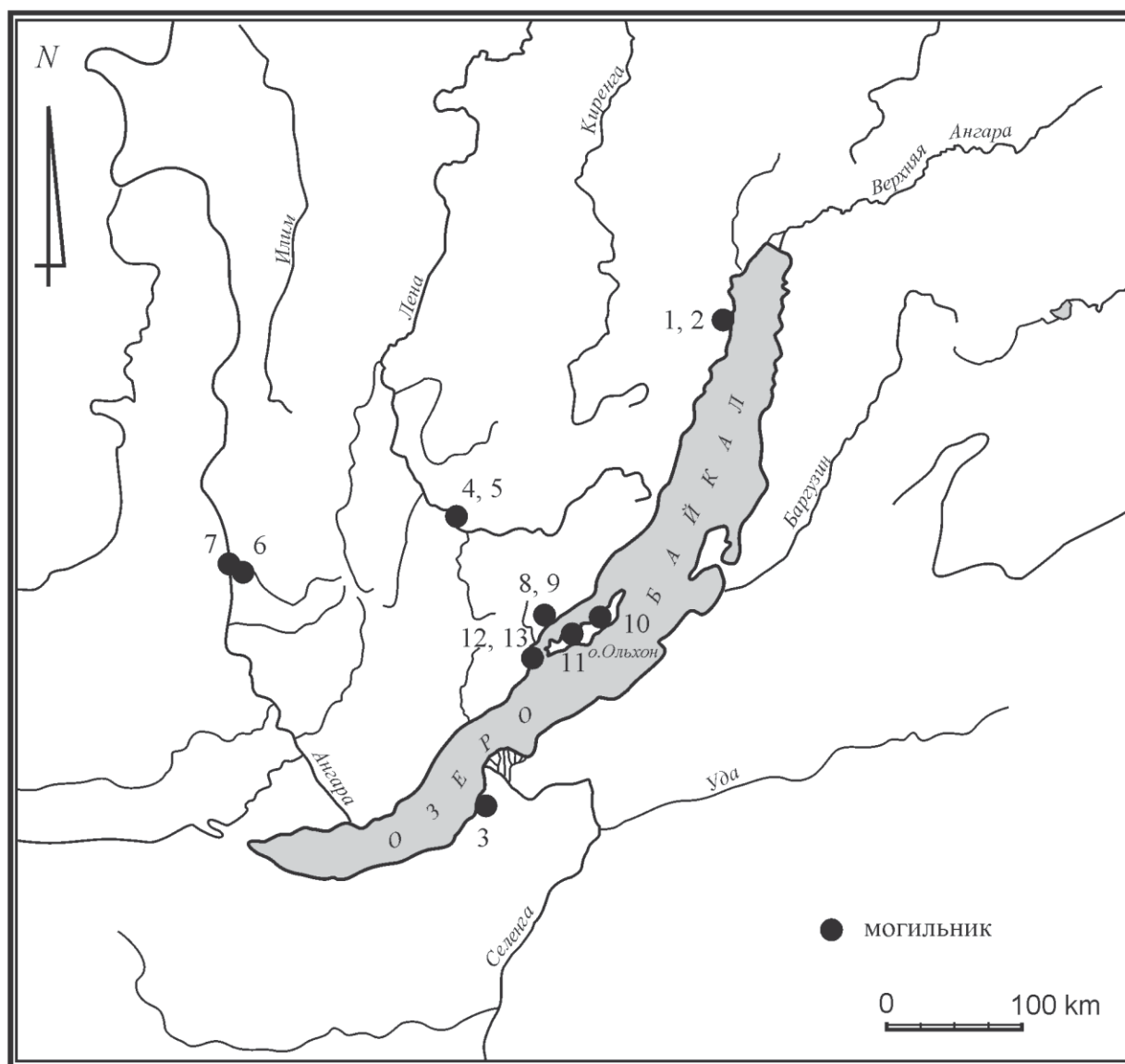

Рис. 1. Карта расположения елгинских погребений:

1 – Байкальское 27; 2 – Байкальское 31; 3 – Посольск; 4 – Белоусово; 5 – Старый Качуг;
6 – Игетейский Лог 2; 7 – Остров Осинский; 8 – Цаган-Хушун 2; 9 – Хадарта 2; 10 – Будун 1;
11 – Елга 7; 12 – Куркутский комплекс 1; 13 – Куркутский комплекс 2

елгинские, располагаются в Приольхонье. На одном из них – Елга 7, раскопано 9 елгинских захоронений и 2 более поздних – черенхынских. На могильнике Цаган-Хушун 2, состоящем из двух частей «а» и «б», исследовано 24 елгинских захоронения. Сооружение могильника происходило с юга (часть «а») на север (часть «б»). В более ранней южной части Цаган-Хушун 2 обнаружено 2 бутухейских захоронения. Для характеристики елганского погребаль-

ного ритуала обратимся, прежде всего, к материалам могильников Елга 7 и Цаган-Хушун 2, как самым крупным к настоящему времени на территории Приольхонья.

Елга 7. Могильник расположен на одноименном мысе северо-западного побережья острова Ольхон, в 12 км к юго-западу от пос. Хужир и в 2 км к северо-западу от с. Елга. Он обнаружен и частично исследован археологической экспедицией Иркутского государственного университета под

Таблица 1

Елгинские могильники Прибайкалья

Название могильника	Количество комплексов					Располо- жение
	Всего	Елгинских могил ¹	Разрушенных елгинских	Поминаль- ных ²	Иных могил ³	
Приольхонье						
Куркутский комплекс 1	134	1	1	131?	2	Ю склон
Куркутский комплекс 2	19	1	1	14?	4	ЮВ склон
Будун 1	9	1	1	—	8	СВ склон
Елга 7	17	9	9	6?	2	ЮВ склон
Хадарта 2	8	1	1	—	7	ЮВ склон
Цаган- Хушун 2a	19	5	4	14?	—	ЮВ склон
Цаган- Хушун 2b	28	19	18	9?	—	ЮВ склон
Северо-западное побережье Байкала						
Байкальское 27	14	1	1	10	3	ЮВ склон
Байкальское 31	9	2	2	3	4	ЮВ склон
Юго-восточное побережье Байкала						
Посольск	1	1	1	—	—	?
Верхняя Лена						
Белоусово	4	1	0	—	3	?
Старый Качуг	8	1	?	—	7	?
Южное Приангарье						
Остров Осинский	12	3	2	—	9	3 склон
Игетейский	3?	1?	1?	—	2?	?

¹ Комплексы, в ямах которых обнаружены человеческие кости; судя по пропорциям ям, в них могли располагаться только скорченные захоронения.

² К поминальникам отнесены комплексы с ямами и без ям, в которых не найдены человеческие кости.

³ Могилы не с елгинским погребальным ритуалом.

руководством О.И. Горюновой в 1988 г. Основная группа захоронений сконцентрирована в межгрядовом понижении вершины мыса, в 1,1–0,9 км к северо-западу от его оконечности (рис. 2). Протяженность могильника 350 м. Всего отмечено более 20 искусственных сооружений, 17 из них вскрыто (Горюнова, Пудовкина, 1995, с. 154).

Анализ погребального обряда могильника Елга 7 позволил выделить на нем три группы искусственных конструкций. К елгинской группе погребений отнесены захоронения, совершенные под контурными прямоугольными кладками, выложенными из плашмя уложенных плит – 12 (№ 2–5, 7, 8, 11–16). Черенхынская группа погребений представлена двумя захоронениями (№ 1, 6). К третьей группе отнесены 3 разрушенных выкладки овальной кольцевой формы (№ 9, 10, 17). Размеры сооружений: 3,8–2,1 х 3,0–2,0 м. Ориентация преимущественно по линии СЗ–ЮВ (с отклонениями в ту или другую сторону). Сооружения третьей группы могильных ям не имели. Все елгинские захоронения оказались ограбленными. В 9-ти из них (№ 2, 3, 5, 8, 11, 13, 14–16) обнаружены человеческие кости (Горюнова, Пудовкина, 1995, с. 154).

Цаган-Хушун 2. К настоящему времени крупнейшим елгинским могильником в Приольхонье является Цаган-Хушун 2. Он находится в 1,25 км к юго-востоку от с. Курма, в восточной части мыса Цаган-Хушун. С востока, запада и юга мыс омывается водами Байкала, а с севера галечной косой соединяется с материком. Мыс Цаган-Хушун состоит из двух примыкающих друг к другу холмов, образующих единую гряду, ориентированную по линии север–юг (рис. 3). Южный холм по своим размерам крупнее северного. Его высота 15,6 м над уровнем озера Байкал. С запада и востока к нему примыкают выположенные площадки, разделенные грядами скальных выходов на несколько микролощин. Перешеек, расположенный между холмами, возвышается над Байкалом примерно на 2 м. Он постепенно разрушается в результате волно-прибойной деятельности озера. Мыс

покрыт степными ассоциациями растений. В его восточной части имеется одиноко растущая лиственница.

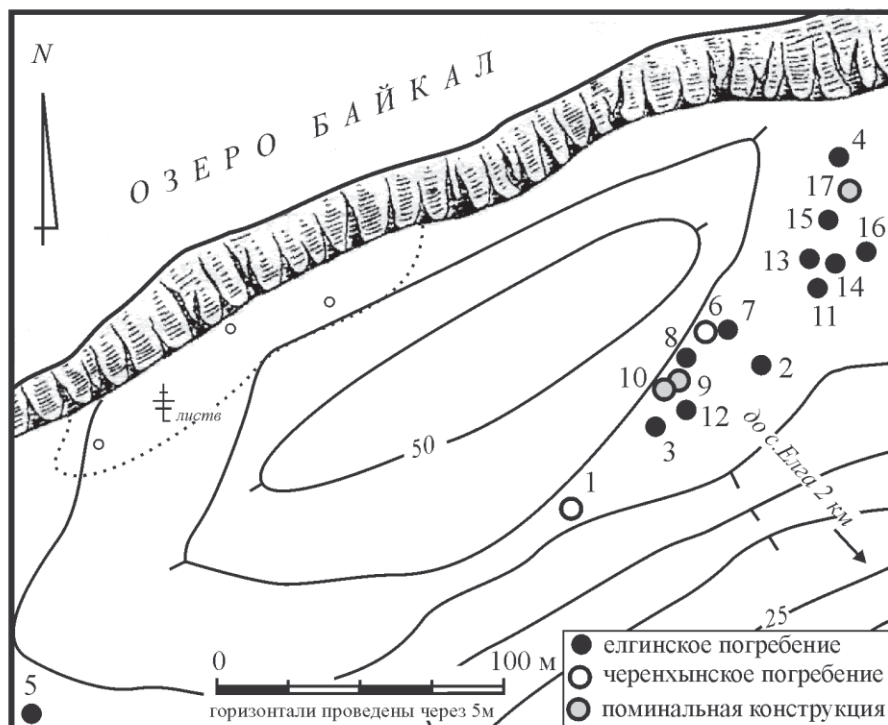
К востоку от южного холма мыса Цаган-Хушун находятся две микролощины, в которых и располагаются елгинские погребения. Между ними располагается гряда скальных выходов шириной около 10 м. Нумерация захоронений в обоих микролощинах велась отдельно, поэтому за южной частью могильника закреплен литер «а», а за северной частью литер «б». К 2010 г. северная часть могильника была полностью исследована. На участке «а» около трети перспективной для поиска захоронений площади еще не вскрыто, поэтому материалы из этой части могильника носят предварительный характер.

Сверху могилы перекрывались каменными кладками. Большая часть из них разрушена, поэтому до раскопок определить их пропорции и соотношение с ямами достаточно сложно. В ходе раскопок выяснялось, что часть скоплений камней, первоначально принятых за надмогильные кладки, таковыми не оказались. Под ними не обнаружены ямы. Во избежание путаницы было решено за каждым скоплением камней, напоминающим надмогильную конструкцию, вне зависимости от того, располагается под ним яма или нет, закреплять название «комплекс» и присваивать порядковый номер. Для того чтобы выявить все искусственные сооружения могильника, раскопки на нем велись сплошными площадями (Харинский, Коростелев, 2011, 2011а). Общая вскрытая площадь на участке «а» составила 188 кв. м, на участке «б» – 282 кв. м.

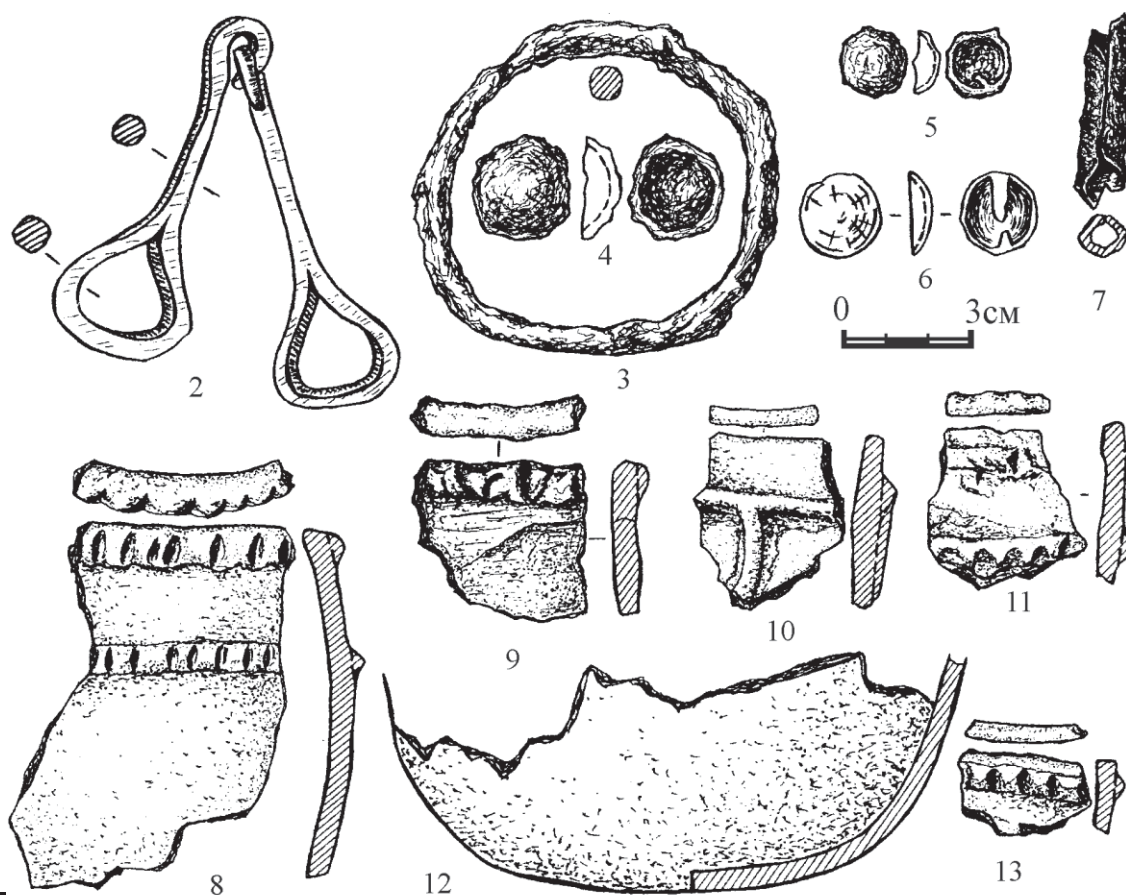
На участке «а» исследовано 13 каменных кладок и 15 ям. Если кладку можно было соотнести с одной из ям, то они обозначались единым номером. Под кладками комплексов № 7, 8, 13 и 14 ямы не обнаружены. Над ямами комплексов № 3, 9, 10, 12 и 16 не были выявлены каменные конструкции. Ямы комплексов № 2, 5 и 17 находились поодаль от места основного скопления камней кладки. Единственным не разрушенным захоронением на участке

«а» оказался комплекс № 19. В отличие от участка «б», в южной части могильника фиксируются следы криогенеза. Трещины шириной от 1 до 2 м заполнены серой супе-

сью

1

Известия Лаборатории древних технологий № 3 (12) 2014
Рис. 2. Могильник Елга 7 (Горюнова, Пудовкина, 1995):

1 – план могильника; 5, 7, 8 – могила 2; 6 – могила 5; 9, 12 – могила 8; 3, 4, 10 – могила 11; 11, 13 – могила 12; 2 – могила 16; 2–5, 7 – железо; 6 – бронза; 8–13 – керамика

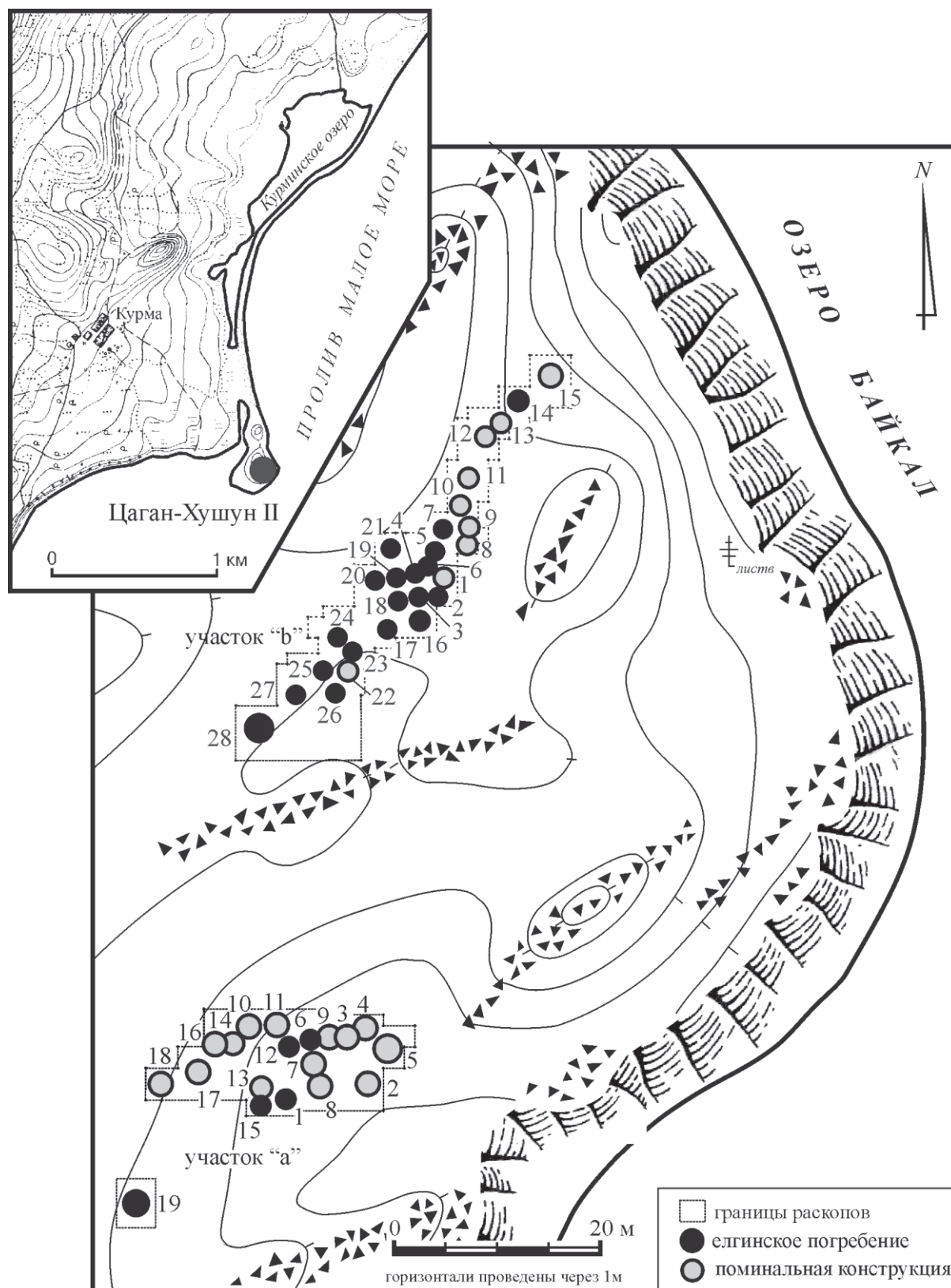

Рис. 3. Могильник Цаган-Хушун 2

и поэтому хорошо были видны после зачистки на фоне желтой супеси или скальной крошки. Обычно в них и выкапывали ямы для погребальных или поминальных целей. В некоторых случаях было сложно

отличить искусственную яму от естественной криогенной трещины, заполненной серой супесью.

На участке «b» расчищено 28 каменных кладок и 27 ям (рис. 3). Под кладками ком-

плексов № 8 и 9 ямы не обнаружены. Над ямами комплексов № 6, 20–22 не были выявлены каменные конструкции. В 19 ямах могильника обнаружены человеческие кости, в 17 комплексах найдены артефакты. В яме комплекса № 4 находилось не потревоженное погребение. Каменные кладки и ямы на участке «b» располагаются полосой вдоль микролощины, ориентированной по азимуту 30°. Они состоят из трех групп, каждая из которых характеризуется компактным расположением искусственных конструкций. Расстояние между отдельными группами более 3 м. Расстояние между кладками внутри группы составляет от 0,4 до 3 м. Центральная группа включает комплексы № 1–11, 16–21, северо-восточная группа – комплексы № 12–15, юго-западная – комплексы № 22–28. Наиболее компактно ямы располагаются в центральной и северо-восточной группах участка «b». Более разрозненно они локализуются в юго-западной группе. В ней выделяется северо-восточная часть (комплексы № 22–26) и юго-западная (комплексы № 27, 28), которые можно рассматривать и как отдельные участки.

Исследованные на берегах Байкала елгинские захоронения, как правило, локализовались в межгрядовых понижениях, расположенных между гребнями скальных выходов, на юго-восточном склоне горы или холма. Устойчивой закономерности во взаиморасположении отдельных захоронений не наблюдается. Они локализуются по всей площади микролощин, поэтому могильник приобретает очертания, повторяющие формы рельефа, в которые он вписан. Например, на могильнике Цаган-Хушун 2 все участки юго-восточного склона мыса, на которых имеется слой рыхлых отложений более 0,5 м, заняты погребальными или ритуальными конструкциями. Участок «a» могильника имеет очертания, напоминающие овал, а участок «b» образует полосу, вытянутую по линии ЮЗ–СВ. Елгинские кладки находятся недалеко друг от друга, образуя сплошное погребально-поминальное поле.

Захоронения

К настоящему времени в Прибайкалье известно всего четыре неразрушенных елгинских погребения. Одно из них исследовано на могильнике Белоусово, второе – на Острове Осинском и два – на могильнике Цаган-Хушун 2. Отсутствие явных следов разрушения позволяет рассматривать их как наиболее удачные примеры для описания елгинского погребального ритуала.

Белоусово. Могильник находится на правом берегу Лены, выше п. Качуг, возле д. Белоусово. Кроме елгинского захоронения А.П. Окладниковым в 1929 г. на могильнике исследовано еще 3 энеолитических погребения (Окладников, 1955, с. 14). Сверху захоронение было перекрыто овальной кладкой из плит красного песчаника. Ее мощность 40 см. Плиты располагались двумя группами, причем они заходили краями друг на друга, как бы веерообразно. Диаметр кладки 90 x 60 см. При взгляде сверху расчищенная кладка напоминала овальную чашу. Между камнями были обнаружены примазки древесного угля, а также мелкие обломки жженных костей, по-видимому, птичьих. Найден был, кроме того, кусок плотного слоистого вещества, похожего на спрессованную кожу. По мнению исследователя, это были остатки жертвенной тризны и разоженного на кладке после захоронения кострища. Костяк лежал под кладкой на глубине 15–20 см от ее основания и в 60 см от поверхности почвы. Он был ориентирован головой на юго-восток. Его подогнутые ноги опущены налево. Левая рука скелета была вытянута вдоль тела, а правая, согнутая в локте, лежала поперек туловища (рис. 4.1).

Непосредственно под костяком находилась обугленная подстилка из древесной коры (судя по ее остаткам – лиственничной), которая позволяет уточнить форму ямы, имевшей удлиненно-овальные очертания (длиной 2 м, шириной до 80 см). Вокруг костей, в особенности около черепа, также были рассеяны мелкие древесные угли. Инвентарь погребения состоял из металлических, каменных, стеклянных и костяных предметов. Прежде всего, среди них выделяется полный набор обкладок сложного лука, изготовленных из распиленных

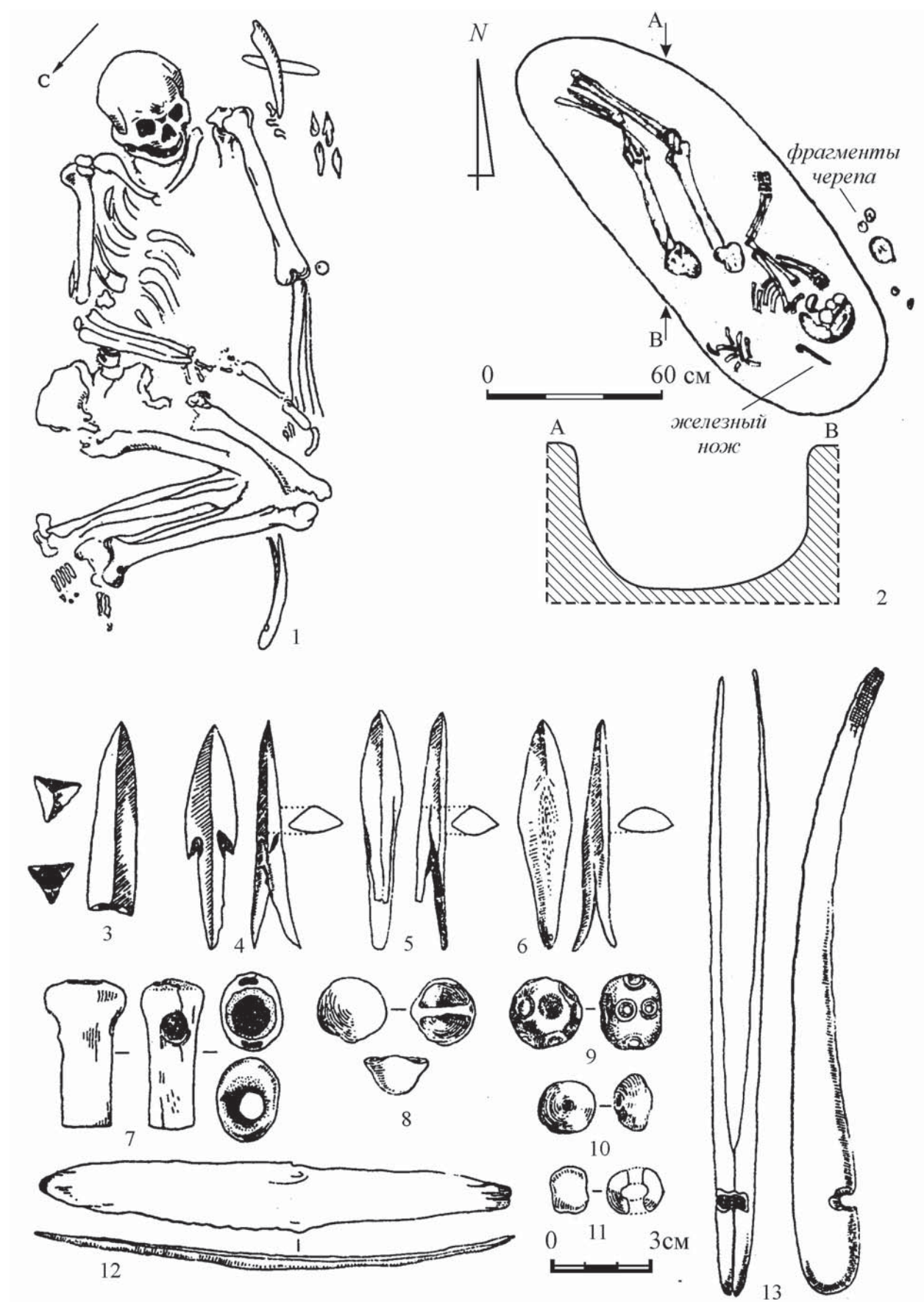

Рис. 4. Белоусово (Окладников, 1978):

1 – останки погребенного; 3–7, 13 – кость; 8 – бронза; 9–10 – стекло; 12 – железо; 2 – Остров Осинский, погребение № 3, останки погребенного и разрез могильной ямы (Смотрова, 1983)

на пластины оленьих рогов (рис. 4.13). Пластины располагались попарно – две в ногах костяка и две у его левого плеча. Срединная же пластина, удлинненно-овальной конфигурации (длина 13 см) лежала около тазовых костей.

С правой стороны костяка около концевых пластин находились костяные наконечники стрел. Их было четыре (рис. 4.3–6). У грудной клетки скелета, слева от черепа, там же, где найдены наконечники стрел, помещалось костяное изделие (рис. 4.7) в виде тщательно зашлифованной костяной трубки с раструбом на расширяющемся конце и сквозным поперечным отверстием у раструба. У левого локтя находилась крупная бусина с «глазками» (рис. 4.9). Рядом с этой бусиной найдено еще две бусины (рис. 4.10, 11), изготовленные из полупрозрачного голубовато-зеленого стекла. У противоположного, правого локтя скелета оказалась полушаровидная массивная «пуговица» из бронзы (рис. 4.8). В области таза костяка лежали резцы бобра и сильно коррозированные остатки массивного железного ножа или, скорее, кинжала (рис. 4.12). Тут же был найден альчик (астрагал козули?) (Окладников, 1978).

Остров Осинский, погребение № 3 (1982). Остров расположен в устье Осинского залива Братского водохранилища. Длина острова с северо-востока на юго-запад 5 км. Раскопки захоронения проводились в 1982 г. В.И. Смотровой (Смотровая, 1983). Оно располагалось в северной части острова, в 260 м от западного берега, на высоте 3,7 м от уреза воды. Каменная кладка над могильной ямой отсутствовала. Размер ямы 1,65 x 0,7 x 0,5 м. В ней располагался скелет подростка 13–14 лет (рис. 4.2). Усопший находился на правом боку, ноги слегка согнуты в коленях, левая рука резко согнута в локте и опущена вниз, правая подведена под щеку. Череп сильно фрагментирован. Его первоначальное положение – лицом на север. У костяка отсутствовали все позвонки. Кости стоп, часть ребер, видимо, были растащены грызунами. Из сопровождающего инвентаря встречен лишь железный нож длиной 4,6 см с прямой спинкой и обломанным острием (Смотровая, 1983).

Цаган-Хушун 2а, комплекс № 19. Раскопки захоронения были произведены А.М. Коростелевым в 2010 г. (Коростелев, 2011). Кладка овальной формы размером 2,8 x 4,0 м, ориентирована по линии СЗ–ЮВ, плоская, 2-слойная (рис. 5.1). Верхняя часть кладки была частично разрушена, поэтому ее размеры условны. Во время расчистки среди камней кладки, в основном к югу от нее, обнаружено 232 фрагмента керамики. Они принадлежали 4 сосудам, которые удалось частично реконструировать (рис. 5.5–8). Возле кладки обнаружен каменный наконечник стрелы (рис. 5.9) и каменная пластина (рис. 5.10).

Под кладкой захоронения зафиксировано надмогильное перекрытие, состоящее из плотно уложенных в два слоя камней средних и мелких размеров, причем камни больших размеров находились по контуру перекрытия (рис. 5.2). Могильная яма овальной формы, размером 1,0 x 1,5 x 0,25 м ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ. В ней обнаружен костяк женщины. Кости полностью сохранили анатомический порядок. Погребенная располагалась в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-восток. Крестец был придавлен плоским камнем, поэтому колени торчали вверх. Пяточные кости и фаланги пальцев рук и ног отсутствовали. Сопроводительный инвентарь в могильной яме не обнаружен (рис. 5.4).

Цаган-Хушун 2б, комплекс № 4. Погребение раскопано в 2000 г. А.В. Харинским и Г.В. Туркиным (Харинский, 2003). Кладка четырехугольной формы, размером 1,4 x 1,7 м. Камни уложены неплотно, в один слой (рис. 6.1). Под кладкой располагалась яма овальной формы, размером 0,7 x 1,5 м, глубиной 0,4 м. Перекрытие ямы представлено однослойной каменной кладкой (рис. 6.2). Под камнями зафиксировано внутримогильное перекрытие, состоящее из трех продольно уложенных жердей диаметром 8 см (рис. 6.3). Их края опирались на небольшие уступы, имевшиеся в поперечных стенках ямы (рис. 6.4). На дне могильной ямы обнаружен костяк женщины (adultus) (рис. 6.5). Дно ямы прямоугольной формы, размером 1,5 x 0,70 м.

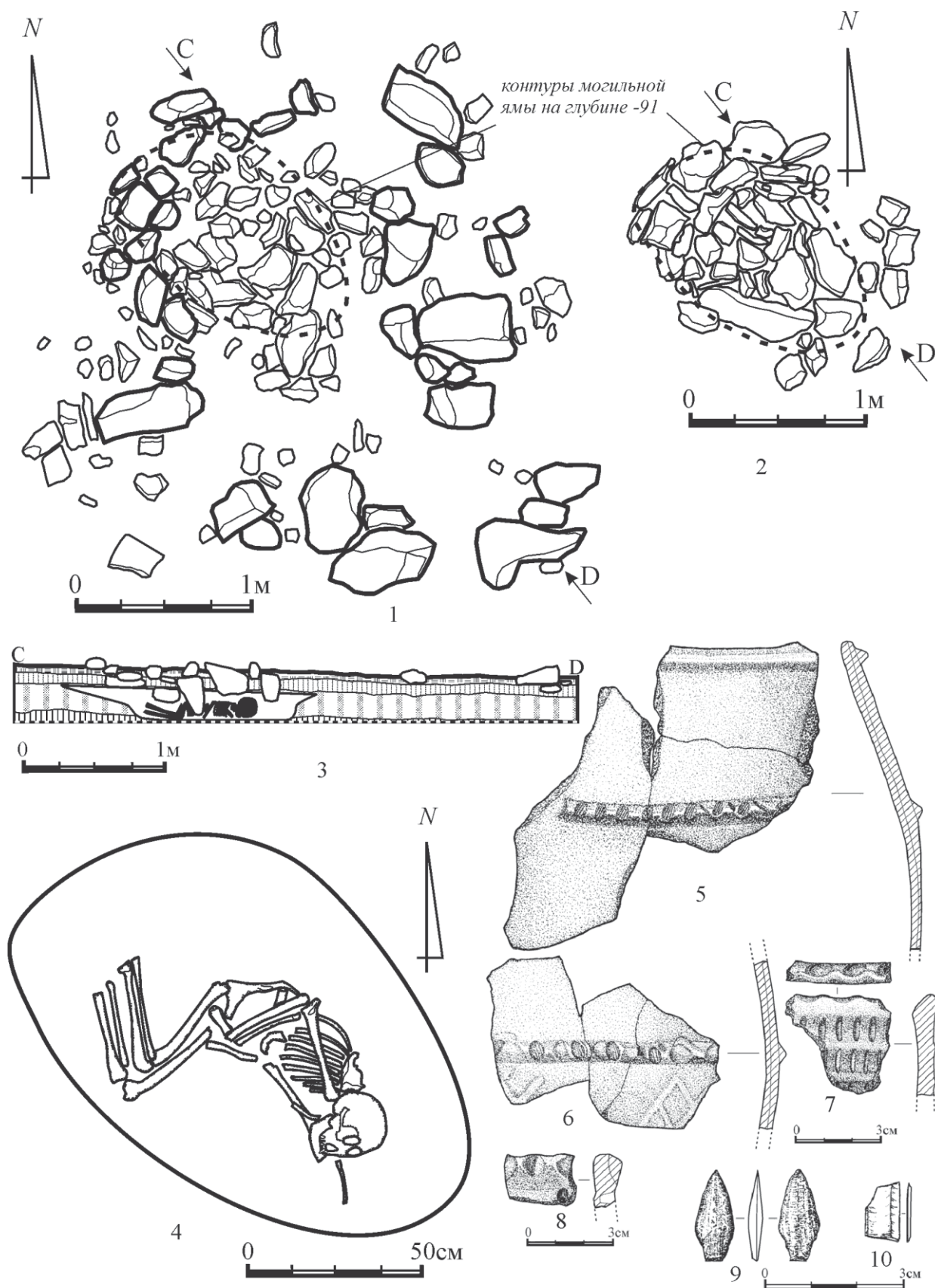

Рис. 5. Цаган-Хушун 2, участок «а», комплекс № 19 (Коростелев, 2011):
 1 – кладка после расчистки; 2 – надмогильное перекрытие; 3 – разрез; 4 – могильная яма;
 5–8 – керамика; 9–10 – камень

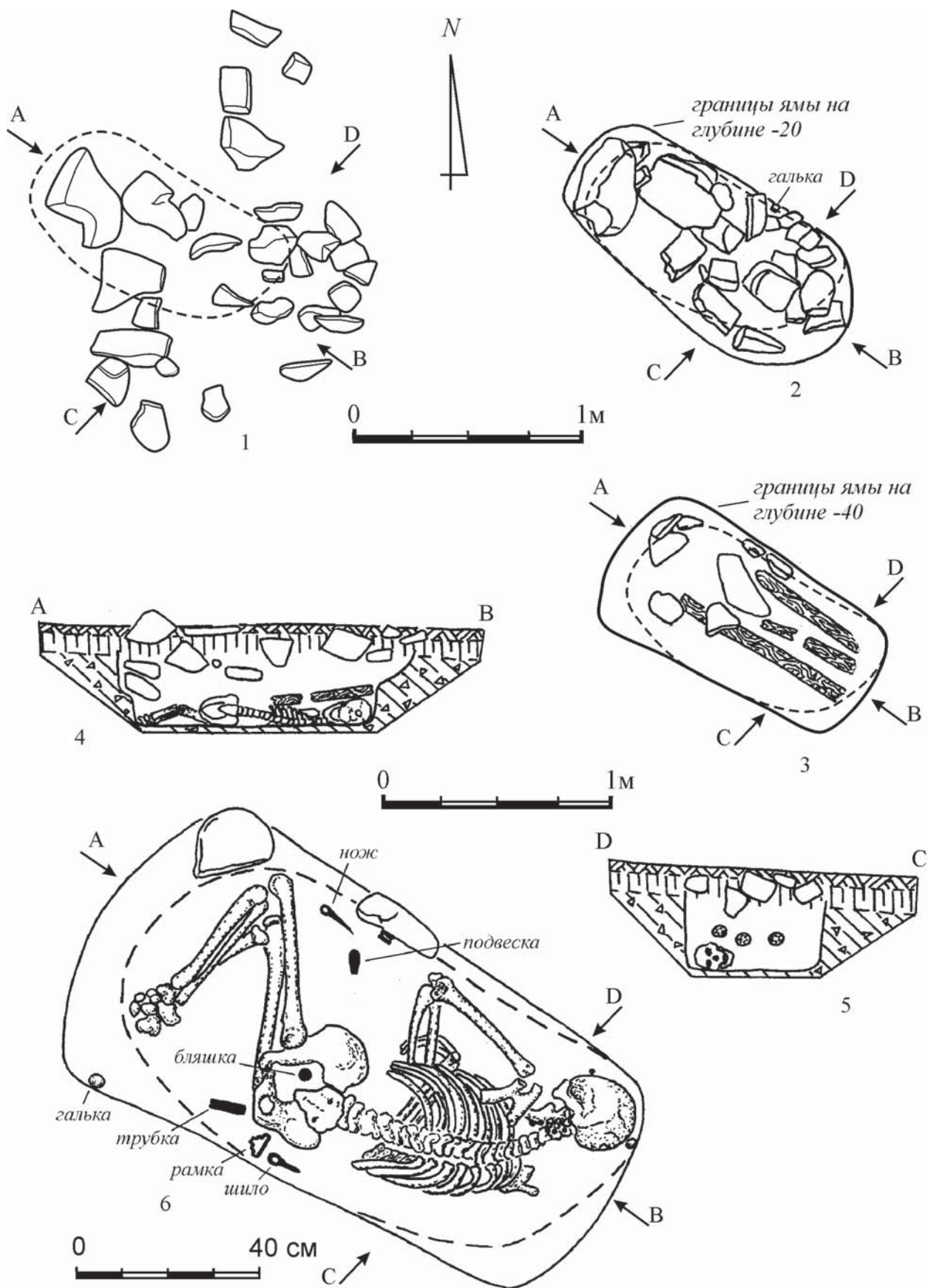

Рис. 6. Цаган-Хуиун 2, участок «b», комплекс № 4:

1 – кладка после расчистки; 2, 3 – могильные ямы; 4, 5 – разрезы; 6 – останки погребенного

Погребенная располагалась на правом боку с согнутыми в коленях ногами, ориентирована головой по линии с азимутом 115°. Руки умершей скрещены в нижней части груди, кисти опущены вниз (рис. 6.6). У северной стенки ямы напротив тазовых костей найдены железный петельчатый нож, развернутый острием на юго-восток (рис. 8.1), ложечковидная подвеска (застежка), ориентированная округлой частью на север (рис. 8.4) и железные обоймы (рис. 8.8, 11). В районе тазовых костей обнаружена железная трубка, трапециевидная пряжка из бронзы (рис. 9.3) и железное шило с кольцевым навершием (рис. 8.2). У левого суставного отростка нижней челюсти найдена позолоченная бронзовая серьга (рис. 8.13), вероятно, крепившаяся к левому уху. Вдоль нижней челюсти располагались 22 бусины, составлявшие нить, в центре которой находилась бронзовая подвеска с изображением хищника (рис. 8.3). Ближе к подвеске находились круглые сердоликовые бусы янтарного цвета (рис. 9.6, 7, 9, 10, 13, 14), за ними следовали шестигранные сердоликовые бусы, затем шестигранные бусины из сургучно-красной яшмы (рис. 9.15), уплощенные шестигранные сердоликовые бусины (рис. 9.16) и белые круглые пастовые бусины, покрытые сверху в несколько слоев клеевой корочкой⁴. Под тазом погребенной найдены две железные сферические пуговицы (рис. 8.7, 10) и две ложечковидные подвески (застежки) из бронзы (рис. 8.5, 6). К югу от локтевого сустава правой руки найдены остатки кожаного пояса, на который с помощью кожаных ремешков крепились две трапециевидные пряжки из бронзы (рис. 9.1, 2). К одной из них на витом ремне подвешено бронзовое кольцо (рис. 9.4). Еще два кольца – железное (рис. 9.5) и бронзовое (рис. 9.8) располагались между пряжками. Под кистью правой руки найдена бронзовая четырехугольная поясная бляха (рис. 8.12), прикреплявшаяся к левой стороне пояса с помощью кожаного ремешка, который продевался через два круглых отверстия, расположенных с узкого края бляхи.

⁴ Минералогический состав бус определен минерологом ГФУ ГП Иркутскгеология Божиной Еленой Александровной.

Материалы из могильника Цаган-Хушун 2 являются наиболее представительными для анализа елгинского погребального ритуала. Разрушение большей части искусственных сооружений могильника не позволяет провести достаточно четкую дифференциацию между поминальными и погребальными комплексами. Не во всех раскопанных ямах обнаружены человеческие останки. Это свидетельствует о том, что яма либо не была могильной, либо кости погребенного извлечены из нее во время разграбления. Поэтому к числу поминальных комплексов, прежде всего, отнесены те сооружения, под кладками которых отсутствовали ямы. Среди ям участка «б» выделяются три группы: маленькие, размером 0,2–0,5 х 0,2–0,7 м (№ 3, 6, 22); средние, размером 0,5–0,7 х 0,8–1,2 м (№ 10–13, 24–26); крупные, размером 0,6–1,1 х 1,3–1,8 м (№ 1, 2, 4, 5, 7, 14–21, 23, 27, 28). На участке «а» зафиксированы только крупные ямы. Человеческие останки обнаружены в двадцать одной из тридцати шести крупных ям, в двух из трех маленьких ям, в трех из семи средних ям. Размеры маленьких и средних ям недостаточны, для того чтобы поместить труп взрослого человека. Однако в них найдены кости взрослых людей, что указывает на существование в елгинском обществе вторичных захоронений или особого обряда, связанного с погребением некоторых человеческих костей. Наряду с подобной практикой захоронения человеческих останков существовала и другая – захоронение трупа вскоре после смерти. Два ненарушенных захоронения могильника свидетельствуют о том, что в крупных ямах елгинцы хоронили умерших вскоре после смерти. Все кости погребенных сохранили анатомический порядок и не имеют следов искусственных нарушений. Поэтому находка в ряде елгинских захоронений лишь части костяка указывает не на вторичность погребения, в результате чего некоторые кости были утрачены, а на разрушение могил в древности, следствием чего явилось извлечение грабителями из могил сопроводительного инвентаря вместе с останками погребенных. От действий грабителей также страдала и надмогильная кладка. Ее центральная часть, располагав-

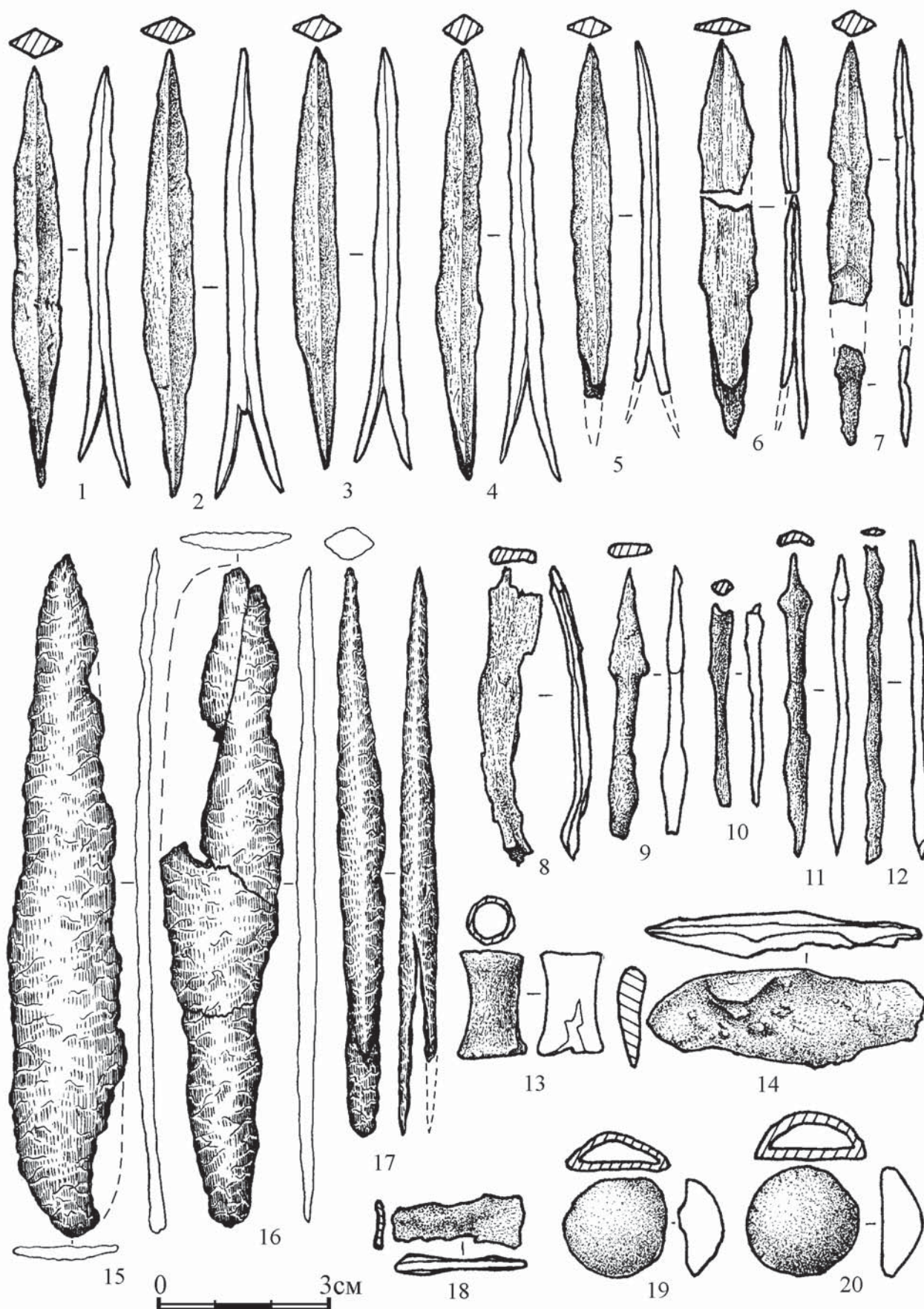

Рис. 7. Цаган-Хуиун 2, участок «а», находки:

1–7, 8–14 – комплекс № 6; 15–17 – комплекс № 1; 18–20 – комплекс № 7; 1–13 – кость;
14 – железо; 18–20 – бронза

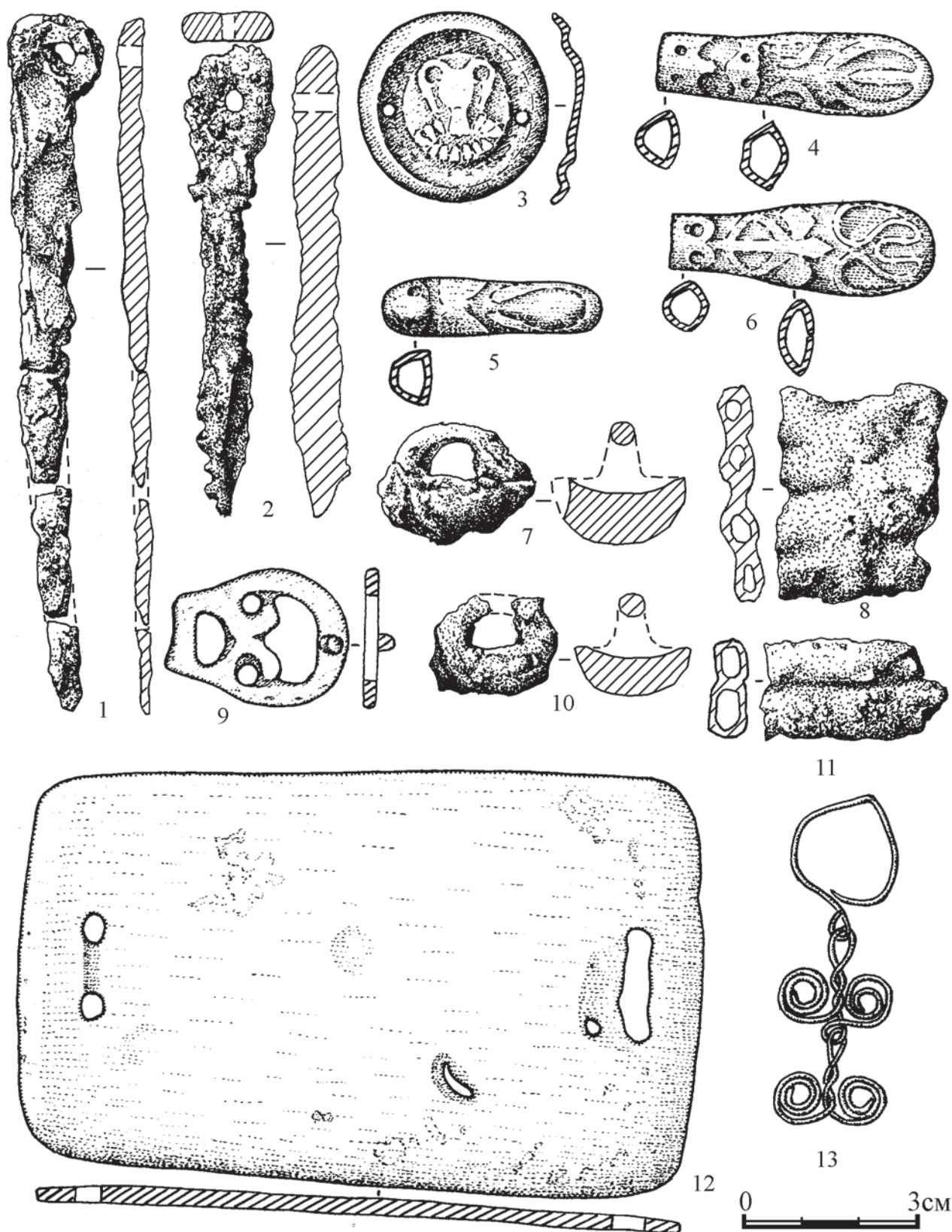

Рис. 8. Цаган-Хушун 2, участок «б», находки:

1–8, 10–13 – комплекс № 4; 9 – комплекс № 1; 1, 2, 7, 8, 10, 11 – железо; 3, 4, 5, 6, 9, 12 – бронза;
13 – бронза с позолотой

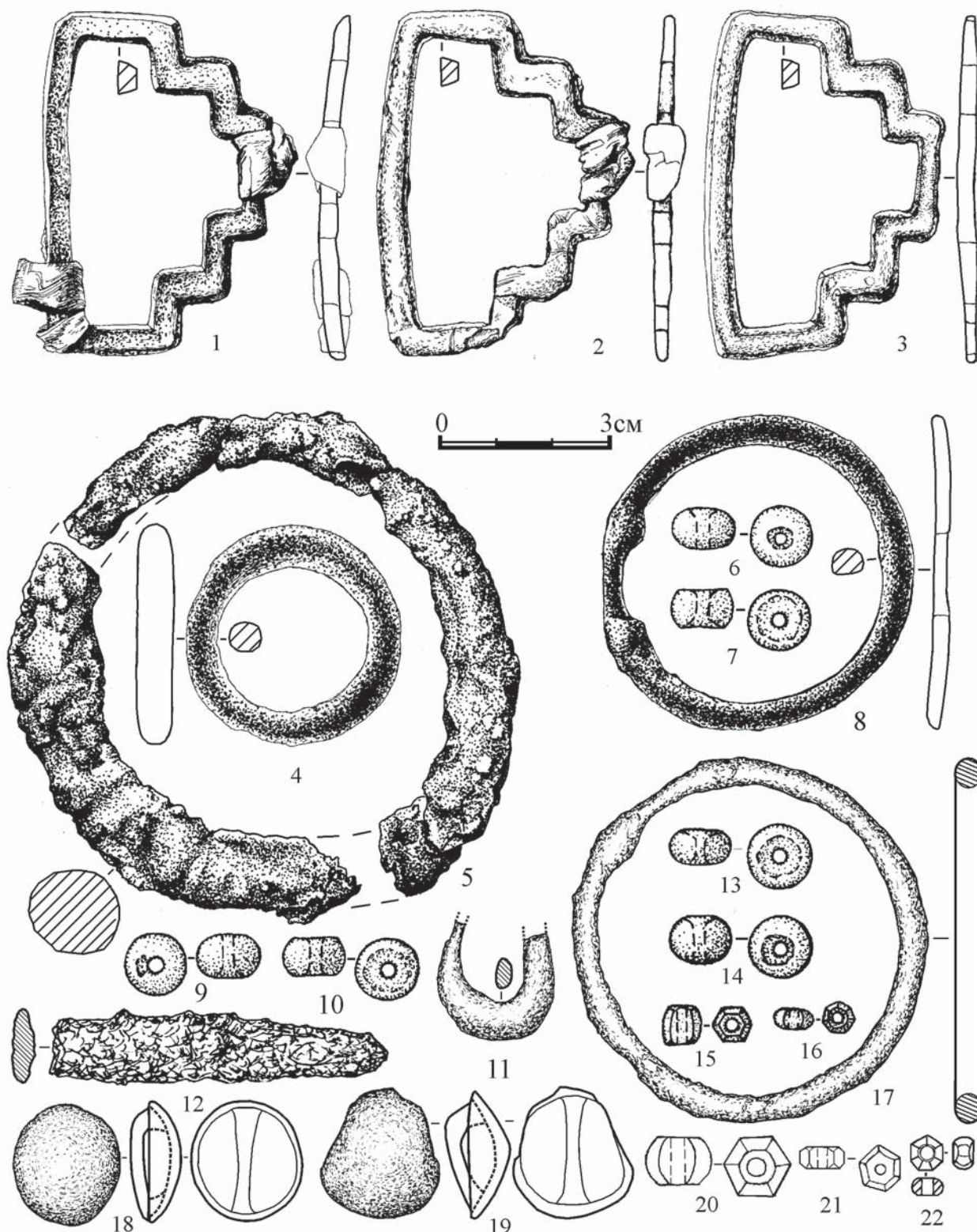

Рис. 9. Цаган-Хушун 2, участок «b», находки:

1–10, 13–16, 20, 21 – комплекс № 4; 11, 18, 19 – комплекс № 26; 12 – комплекс № 27;
17 – комплекс № 18; 22 – комплекс № 22; 1–4, 8, 18, 19 – бронза; 5, 11, 12, 17 – железо

шавшая над могильной ямой, разрушалась, в результате чего приобретала вид контурного овала или четырехугольника.

Каменные кладки зафиксированы над большинством елгинских могил. Исключе-

ние составляет только ангарская группа захоронений, у которой отсутствуют каменные надмогильные конструкции. Преобладают четырехугольные и овальные кладки, но встречаются и конструкции, имеющие

обрамление из крупных плит и внутреннее заполнение из мелких камней. К числу последних относятся кладки захоронений Куркутский комплекс 2–4 (Асеев, 1980, рис. 36) и Цаган-Хушун 2–14 и 15 (Харинский, Коростелев, 2011а, рис. 4.1). По периметру кладок этих погребений располагались крупные камни размером от 0,3 x 0,9 м до 0,8 x 1,0 м. В центре кладок Цаган-Хушун 2–14 и 15 уложены более мелкие камни, такие же, как и в большинстве елгинских кладок. Единичным пока является и случай сооружения над могилой кладки шатрового типа в Куркутском комплексе 1–133 (Асеев, 1980, рис. 29), наличие которой позволило И.В. Асееву сопоставить елгинские захоронения с шатровыми поминальными конструкциями и отнести их к курумчинской культуре. Возможно, такая форма надмогильной конструкции образовалась в результате разрушения погребения грабителями.

Верхняя часть ямы в захоронениях Цаган-Хушун 2 перекрывалась камнями. В погребении № 4 они вместе с землей поддерживались снизу продольными жердями. В других захоронениях подобной конструкции пока не обнаружено. Погребенный располагался на боку с подогнутыми ногами. В большинстве случаев он укладывался на правый бок, хотя встречаются случаи расположения умершего и на левом боку (Белоусово, Елга 7–5, Байкальское 31–1; Цаган-Хушун 2а–19). Рука погребенного, расположенная сверху (правая или левая, в зависимости от того, на каком боку он лежит), была согнута в локте. Рука, находившаяся снизу под туловищем, была вытянута. Лишь в погребении № 4 Цаган-Хушун 2b обе руки погребенной были согнуты в локте.

Инвентарь

Большую часть артефактов, обнаруженных в елгинских захоронениях, можно отнести к предметам хуннуского круга. Среди них наиболее широко представлены металлические детали костюма, имеющие как практическое, так и декоративное значение. В их состав входят различные ременные пряжки (рис. 8.9, 12; рис. 10.2, 3, 5). Среди других аксессуаров, крепившихся к поясу, встречены ажурные бронзовые пла-

стины (рис. 10.1); трапецевидные пряжки (рис. 9.1, 2, 3); железные (рис. 2.3; рис. 9.5, 17), бронзовые (рис. 9.4, 8) и аргелитовые (рис. 10.10) кольца. К числу деталей костюма относятся ложечковидные подвески (застежки) (рис. 8.4, 5, 6) и сферические пуговицы с петелькой (рис. 2.4, 6; рис. 4.8; рис. 7.19, 20; рис. 8.7, 10; рис. 9.18, 19; рис. 10.7, 8, 9). Украшения представлены ожерельем из комплекса № 4 Цаган-Хушун 2b, состоящим из 22 бусин (рис. 9.6, 7, 9, 10, 13, 14, 15, 16, 20, 21), в центре которого находилась бронзовая подвеска с изображением хищника (рис. 8.3). Одна бусина обнаружена в комплексе № 22 Цаган-Хушун 2b (рис. 9.22) и три бусины в Белоусово (рис. 4.9, 10, 11). В комплексе № 4 найдена бронзовая серьга с позолотой (рис. 8.13).

Среди материалов с могильника Цаган-Хушун 2 оружие преимущественно представлено наконечниками стрел. Преобладают костяные наконечники с расщепленным насадом – треугольные (рис. 11.1), четырехугольные (рис. 4.4, 5; рис. 7.1–7, 17; рис. 11.2, 6), круглые (рис. 11.3) и линзовидные (рис. 4.6; рис. 11.5, 8, 9) в сечении. В белоусовском захоронении обнаружен один втульчатый треугольный в сечении наконечник стрелы (рис. 4.3) и остатки сложносоставного лука с парными концевыми боковыми накладками из рога с арочными вырезами (рис. 4.13). Еще две концевые фронтальные накладки лука были найдены в комплексе № 1 Цаган-Хушун 2b (рис. 7.15, 16). На могильнике Цаган-Хушун 2а в комплексе № 9 найден обломок железного кельта (рис. 10.6).

К категории бытовых вещей можно отнести костяные застежки (рис. 7.9, 10, 11, 12; рис. 11.4), упор прибора для разжигания огня (рис. 11.7), железные игольники (рис. 2.7) и железные шилья (рис. 8.2). В елгинских захоронениях найдены железные ножи с кольчатым (рис. 8.1) и с черешковым насадом (рис. 4.12; рис. 7.14; рис. 9.12; рис. 12.4). По своим размерам ножи небольшие, поэтому, скорее всего, являлись едовыми. На могильнике Елга 7 найдены железные удила (рис. 2.1). Определить назначение ряда металлических и костяных

вещей, обнаруженных в могилах, пока не удалось.

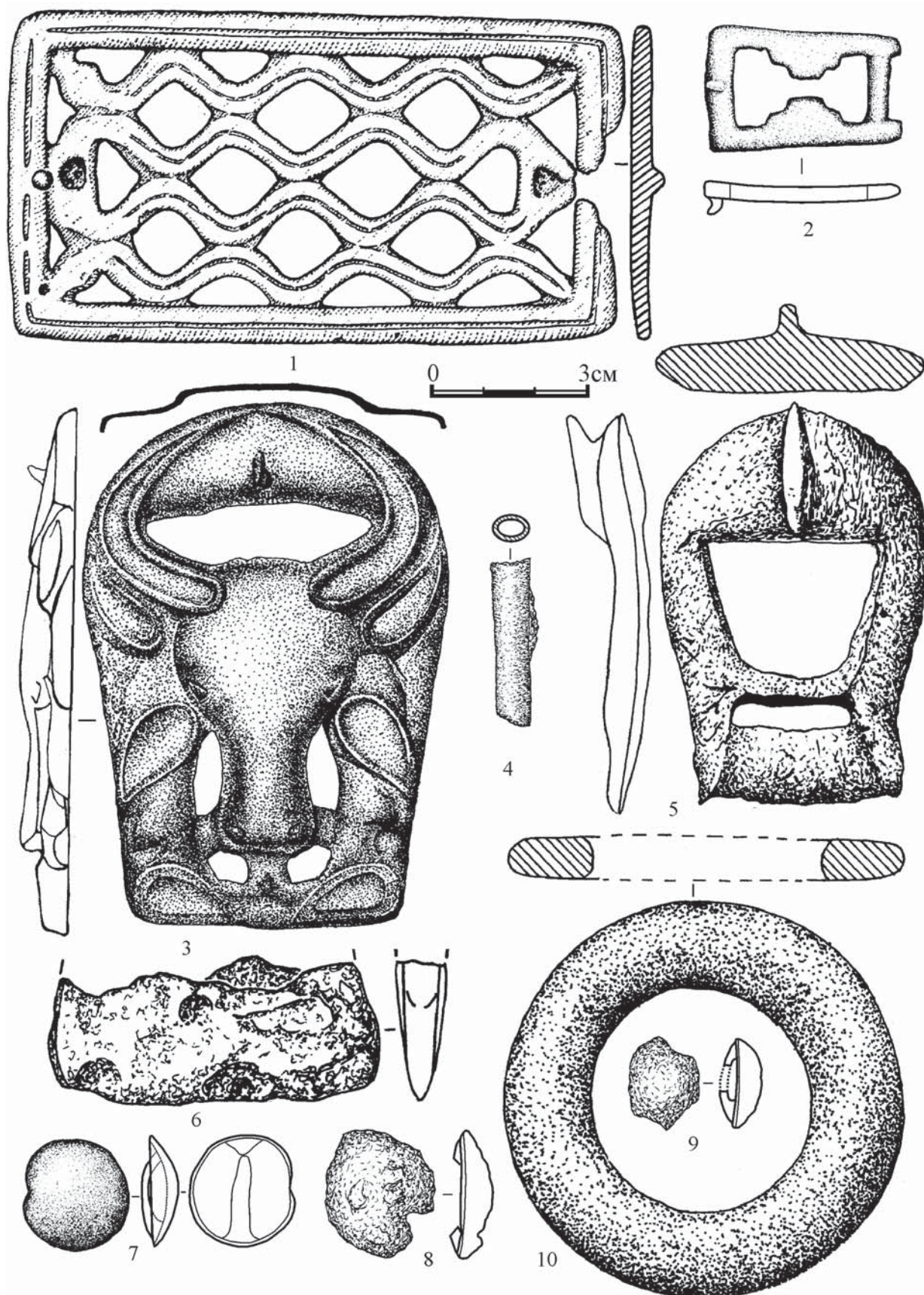

Рис. 10. Цаган-Хушун 2, участок «б», находки:

1 — комплексе № 5; 2, 4, 7, 8, 9 — комплексе № 23; 3, 10 — комплексе № 18; 5 — комплексе № 16;
6 — комплексе № 12; 7 — комплексе № 13; 8 — комплексе № 14; 9 — комплексе № 15; 10 — комплексе № 17.

Известия Лаборатории древних технологий № 3 (2014) аргиллит

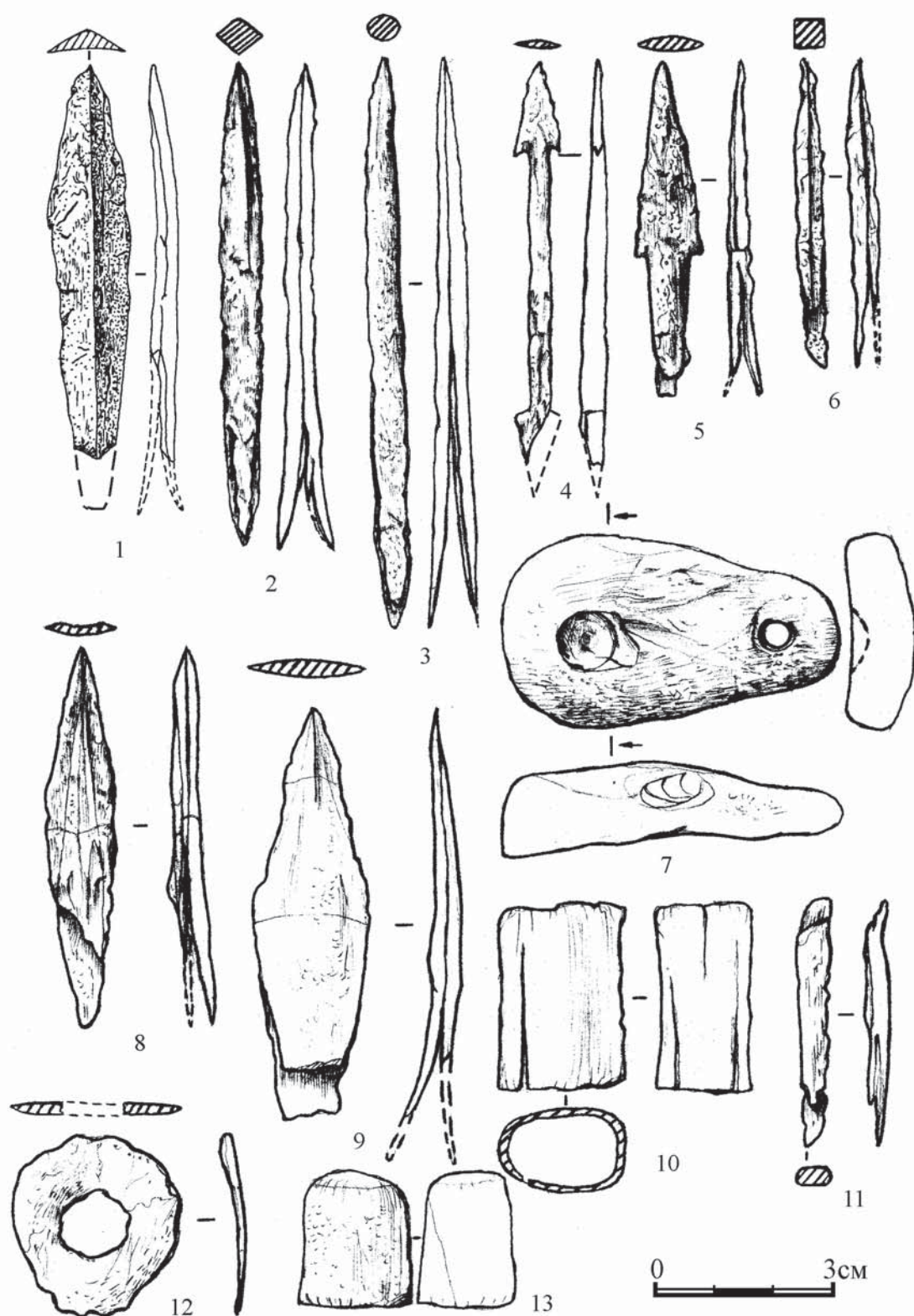

Рис. 11. Цаган-Хушун 2, участок «b», находки, кость:
1 – комплекс № 19; 2–13 – комплекс № 18

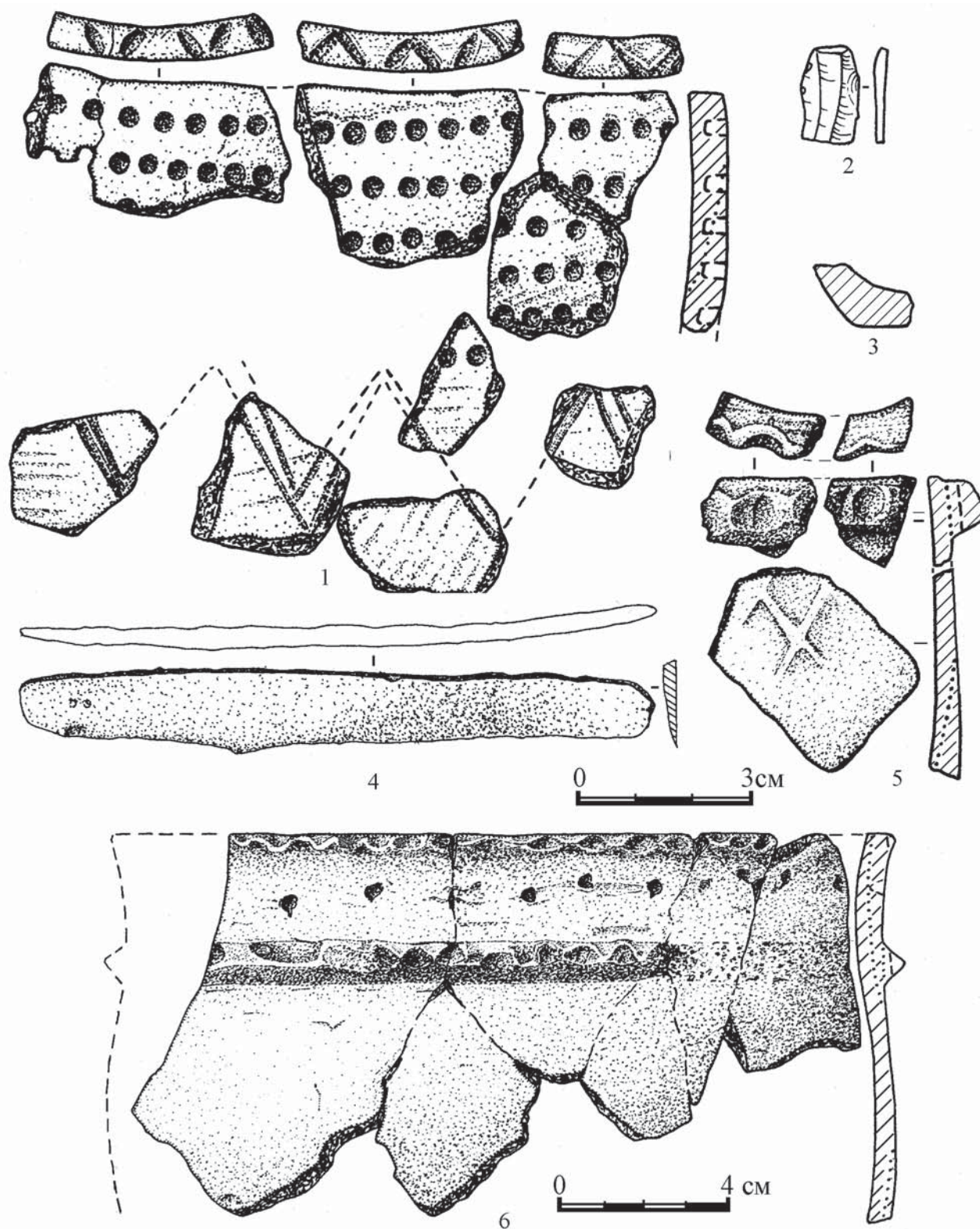

Рис. 12. Цаган-Хушун 2, участок «b», находки:

1 – комплекс № 1; 2 – комплекс № 12; 3, 5 – комплекс № 14; 4 – комплекс № 11; 6 – комплекс № 8;
1, 3, 5, 6 – керамика; 2 – кремень; 4 – железо

Большинство керамических сосудов, обнаруженных среди камней надмогильных кладок елгинских захоронений или возле них, имеют плоское дно, гладкие стенки и украшены налепными валиками (рис. 2.8–13; рис. 5.5, 8; рис. 12.6). За сосудами с подобными характеристиками закрепилось название – керамика елгинского типа (Харинский, 2005а). У значительной части елгинских сосудов с внешней стороны венчика имеется налеп, рассеченный, как и валики, украшающие шейку или тулово емкостей поперечными вдавлениями. На двух сосудах отмечены нерассеченные налепные валики. При этом один из фрагментов керамики из Елги 7 украшает как горизонтальный, так и примыкающий к нему снизу вертикальный нерассеченный валик.

На могильнике Цаган-Хушун 2 обнаружены фрагменты двух сосудов, стенки которых с внешней стороны украшены ромбическими оттисками. По морфологическим и орнаментальным показателям их можно отнести к керамике борисовского типа (Харинский, 2005а). Один из сосудов орнаментирован горизонтальным налепным валиком. На валике прослеживаются следы пальцевых защипов и наклонных овальных вдавлений, имеющих продольные желобки. Судя по орнаментации, первоначально на валик были нанесены вдавления, а потом пальцевые защипы, так как второй мотив перекрывает первый (рис. 5.6). У второго сосуда внешняя сторона венчика украшена налепом, рассеченным пальцевыми вдавлениями (рис. 12.5).

В комплексе № 1 Цаган-Хушун 2b найдены фрагменты сосуда с оттисками шнура с наружной стороны стенок (рис. 12.1). Как правило, технический декор в виде оттисков шнура характерен для посуды сеногдинско-тышкинэйского типа, встречающейся на западном побережье Байкала в конце II–I тыс. до н. э. (Харинский, 2005а; Карнышев, 2006; Кичигин, 2009). Но сосуд с могильника Цаган-Хушун 2 украшен орнаментом, нехарактерным для керамики сеногдинско-тышкинэйского типа. Его верхняя часть покрыта шестью рядами круглых вдавлений, ниже которых прочерчен двойной горизонтальный зигзаг. Такая орнаментация обычно встречается на

гладкостенных сосудах елгинского времени. Наличие на горшке из комплекса № 1 элементов сеногдинско-тышкинэйской и елгинской керамики, вероятно, свидетельствует о сочетании на нем двух керамических традиций, характерных для переходного периода.

Обнаруженный в елгинских захоронениях сопроводительный материал имеет широкие аналогии среди инвентаря конца I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э. с территории Южной Сибири и Центральной Азии. Уточнить возраст елгинских погребений позволяет серия дат, полученная по могильникам (Куркутский комплекс 1, Елга 7, Цаган-Хушун 2 и Байкальское 31 (табл. 2)).

По елгинской группе захоронений Елги 7 получено 4 радиоуглеродных даты: № 3 – 1890 ± 50 л. н. (ГИН-7643), № 13 – 1960 ± 60 л. н. (ГИН-7644), № 16 – 2590 ± 90 л. н. (ГИН-6840), № 19 – 2050 ± 160 л. н. (ГИН-7645) (Горюнова, Пудовкина, 1995). Погребению № 19 во время раскопок был присвоен № 5, поэтому дата, определенная для него, соответствует захоронению под № 5. Доверительный интервал двух последних дат достаточно велик и поэтому не позволяет уточнить датировку памятника. Кроме этого, дата по погребению № 16 значительно отличается от остальных дат, полученных по могильнику. С чем это связано – предстоит еще выяснить. На данном же этапе исследований для определения возраста Елги 7 используем результаты анализов только погребений № 3 и № 13. Калиброванная дата по первому из них (two sigma ranges) дает временной интервал, соответствующий 5–240 гг. н. э. Калиброванная дата по второму захоронению соответствует временному интервалу с 105 г. до н. э. по 215 г. н. э. Учитывая полученные данные, возраст могильника можно определить I в. до н. э. – III в. н. э., что соответствует возрасту, определенному для него исследователями – конец I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э. (Горюнова, Пудовкина, 1995).

По четырём захоронениям могильника Цаган-Хушун 2 получены радиоуглеродные даты: Цаган-Хушун 2a–6 – 2285 ± 50 л. н. (СОАН-5281); Цаган-Хушун 2b–23 – 2275 ± 60 л. н. (СОАН-5280); Цаган-Хушун 2b–4 – 2050 ± 55 л. н. (СОАН-4324), Цаган-

Хушун 2b–28 – 1635±90 л. н. (СОАН-6583). С учетом калибровки указанные погребения соотносятся с 415–200 гг. до н. э. (№ 6); 430–175 гг. до н. э. (№ 23); 200 г. до н. э. – 62 г. н. э. (№ 4); 215–620 гг. (№ 28). Доверительный интервал даты по погребениям № 28 Цаган-Хушуна 2b достаточно велик и поэтому требует дополнительной проверки. Без ее учета время существования могильника с учетом широких хронологических рамок, определенных с помощью радиоуглеродного метода, соотносится с конца V в. до н. э. – I в. н. э. Учитывая особенности культурно-исторических процессов, протекавших в это время в Предбайкалье, и набор артефактов, обнаруженных во время раскопок, датировку могильника можно сузить до III–I вв. до н. э.

Могильник Цаган-Хушун 2 относится к начальному периоду елгинского этапа в истории Предбайкалья. Его заполнение происходило с юга на север. Вначале умерших хоронили в южной микролощине – участок «а», а затем перешли в северную – участок «б». При этом наиболее ранние комплексы участка «б» располагались в юго-западной части микролощины. Об этом свидетельствуют радиоуглеродные даты, полученные по костным останкам погребенных, и найденные во время раскопок артефакты. Если в юго-западной части участка «б» встречаются сферические пуговицы, сделанные как из бронзы, так и из железа, то в центральной части участка найдены только пуговицы из железа.

Таблица 2

Радиоуглеродные даты по елгинским захоронениям

Название памятника и № комплекса	Дата по C14 (лет назад)	Индекс лаборатории и №	Публикация	Калиброванная дата ⁵
Куркутский комплекс 1–133	1860±80	СОАН-1546	Асеев, 2003	40 г. до н.э. – 345 г. н. э.
Елга 7–3	1890±50	ГИН-7643	Горюнова, Пудовкина, 1995	5 – 240 гг. н. э.
Елга 7–13	1960±60	ГИН-7644	Горюнова, Пудовкина, 1995	150 г. до н. э. – 215 г. н. э.
Елга 7–16	2590±90	ГИН-6840	Горюнова, Пудовкина, 1995	910 – 430 гг. до н. э.
Елга 7–19 (5)	2050±160	ГИН-7645	Горюнова, Пудовкина, 1995	410 ш. до н. э. – 340 г. н. э.
Цаган-Хушун 2a–6	2285±50	СОАН-5281	Харинский, 2006	415 – 200 гг. до н. э.
Цаган-Хушун 2b–4	2050±55	СОАН-4324	Харинский, 2006	200 г. до н. э. – 65 г. н. э.
Цаган-Хушун 2b–23	2275±60	СОАН-5280	Харинский, 2006	430 – 175 гг. до н. э.
Цаган-Хушун 2b–28	1635±90	СОАН-6583	Харинский, Коростелев, 2011	215 – 620 гг. н. э.
Байкальское 31–1	2130±50	СОАН-4100	Харинский, 2004	360 – 40 гг. н. э.

⁵ Калибровочные значения получены с использованием программы Calib Rev 7.0.2 INTCAL13 (Stuiver, Reimer, 1993)

Даты по Куркутскому комплексу 1–133 – 1860±80 л. н. (СОАН-1546) и Байкальскому 31–1 – 2130±50 (СОАН-4100) не выбиваются из общего контекста елгинских датировок. Первая из них, с учетом калибровки, соответствует 40 г. до н. э. – 345 г. н. э., а вторая – 360–40 гг. до н. э.

Выводы

Смена погребальных традиций в лесостепном Предбайкалье в конце I тыс. до н. э. знаменует наступление нового культурно-хронологического этапа – елгинского (III в. до н. э. – IV в. н. э.). Вероятно, в это время на территории двух смежных культурно-исторических областей Байкальской и Ангара-Ленской проживало население, обладающее схожими погребальными традициями, что позволяет объединить их в рамках одной культурной общности – елгинской. Переселившись в конце I тыс. до н. э. из Забайкалья, протоелгинцы-сотниковцы вместе с потомками бутухейцев и плиточников сформировали оригинальную культуру, испытывавшую значительное влияние со стороны своих южных соседей – хунну.

В конце I тыс. до н. э. в Предбайкалье из употребления практически полностью выходят изделия из камня. Широко распространяются вещи, изготовленные из железа. Для производства железных вещей в елгинское время активно использовалась продукция, получаемая с местных металлургических центров (Харинский, Снопков, 2004).

В это время в Предбайкалье фиксируется две керамические традиции. Первая из них представлена керамикой елгинского типа – гладкостенными плоскодонными сосудами, преимущественно орнаментированными налепными горизонтальными валиками. Вторая характеризуется керамикой борисовского типа. С внешней стороны борисовские сосуды покрывались ромбическими (вафельными) оттисками и орнаментировались горизонтальными и вертикальными налепными валиками.

В елгинское время в Прибайкалье распространяются вещи «хуннского» облика,

свидетельствующие о сильном культурном и, возможно, политическом влиянии державы хунну на жителей байкальского побережья. Большая часть заимствований представлена металлическими украшениями: поясные ажурные пластины, ложечковидные подвески, поясные пряжки. Популярность среди хуннов и их соседей сероглиняной керамики способствовала тому, что она стала распространяться и за пределы хуннуской державы. С нее, как и с металлических вещей, на периферии кочевого мира делали копии. С конца III тыс. до н. э. в Предбайкалье широко распространяются костяные наконечники стрел с раздвоенным насадом, имеющие широкие аналогии среди хуннских наконечников (Харинский, 2005). Но в отличие от своих южных соседей елгинцы практически не имели в своем арсенале железных и бронзовых наконечников. В их среде получает распространение и сложносоставной лук, имевший, как и у хунну, концевые костяные накладки, что свидетельствует об общих тенденциях, получивших в это время распространение в степях Евразии.

В середине I тыс. в Приольхонье происходит эволюция погребального обряда. С V в. уже не фиксируются захоронения, в которых погребенные ориентированы головой на юго-восток. Исчезают четырехугольные надмогильные кладки. Распространяется новый погребальный ритуал – черенхынский, генетически связанный с захоронениями елгинского типа. Поэтому о периоде с V по VIII в. в Приольхонье можно говорить, как об очередном культурно-историческом этапе – черенхынском. В других частях Предбайкалья пока не исследованы захоронения середины I тыс., поэтому судить об изменениях в погребальном обряде для этих районов не представляется возможным. До появления новых данных закономерно период с III в. до н. э. по VIII в. н. э. для большей части Предбайкалья представлять как единый период – елгинский.

Статья поступила 29. 08. 2014.

Библиографический список

1. Асеев И.В. Прибайкалье в средние века. Новосибирск : Наука, 1980. 149 с.
2. Горюнова О.И. Ранний железный век на территории Предбайкалья: (современное состояние проблемы) // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика : (тез. и материалы науч. конф.). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ, 1993. С. 76–80.
3. Горюнова О.И., Пудовкина Е.А. Могильник Елга VII и его место в периодизации железного века Приольхонья // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1995. С. 154–174.
4. Зубков В.С. Материалы из древних могил с территории поселка Качуг и у деревни Шишкино на Верхней Лене (раскопки А.П. Окладникова 1928–1930, 1941 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2010. Вып. 8. С. 135–146.
5. Карнышев И.С. Керамика сеногдинского типа северного побережья озера Байкал // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий : материалы LVI Регион. археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых. Красноярск : Изд-во КГПУ, 2006. Т. 1. С. 121–124.
6. Кичигин Д.Е. Шнуровая керамика периода позднего бронзового – раннего железного веков западного побережья озера Байкал // Социогенез в Северной Азии : материалы 3-й Всерос. конф. (Иркутск, 29 марта – 1 апреля 2009 г.). Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2009. С. 158–165.
7. Коростелев А.М. Население Приольхонья на рубеже эр: по археологическим данным. Вестник ИрГТУ. 2009. № 7 (54). С. 238–242.
8. Коростелев А.М., Харинский А.В. Погребально-поминальный комплекс Байкальское 27 и его культурно-хронологическая интерпретация // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 73–76.
9. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 3 (Глазковское время) // МИА. 1955. № 43. М.; Л. 373 с.
10. Окладников А.П. Скифы и тайга (к изучению памятников скифского времени в ленской тайге) // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 101–109.
11. Павлуцкая В.В. Байкальское Приольхонье в эпоху поздних кочевников : (по материалам могильников XI–XIX вв.) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: Изд-во ЛГУ., 1990. 16 с.
12. Смотров В.И. Отчет о полевых исследованиях Ангарского отряда археолого-этнографической экспедиции Иркутского областного краеведческого музея за 1982 г. // Архив Иркутского областного краеведческого музея. 68 л. (Иркутск, 1983).
13. Смотров В.И. Погребения с ажурными пластинами на острове Осинском // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1991. С. 136–143.
14. Туркин Г.В. Лесостепное Предбайкалье в кон. II–I тыс. до н. э. (по материалам погребально-поминальных комплексов): автореф. дис. ... кандидата ист. наук. Владивосток : Изд-во ИАЭНДВ ДО РАН, 2003. 24 с.
15. Туркин Г.В. Погребальная обрядность населения Предбайкалья в конце II–I тыс. до нашей эры (к вопросу об этнокультурной ситуации) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2004. Вып. 2. С. 82–93.
16. Уваров А.И., Бердникова В.И. Исследования Осинского залива Братского водохранилища // АО 1985 года, М., 1987. С. 288.
17. Хамзина Е.А. Новые находки бронзовых изделий в Забайкалье // Науч. конф. по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960. С. 72–73.
18. Харинский А.В. О появлении скотоводства в Предбайкалье // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : Изд-во ОГУ, 1995. Ч. 2. С. 95–98.
19. Харинский А.В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н. э. сер. II тыс. н. э.: генезис культур и их периодизация. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2001. 200 с.
20. Харинский А.В. Погребальный обряд населения Приольхонья на рубеже эр // Археология и культурная антропология Даль-

него Востока и Центральной Азии. Владивосток, 2002. С. 112–125.

21. Харинский А.В. Могильник Цаган-Хушун – II на западном побережье Байкала // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. Третья международная конференция «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2003. С. 248–254.

22. Харинский А.В. Погребальный ритуал населения Северного Прибайкалья в середине I тыс. до н. э. начале I тыс. н. э. : по материалам могильника Байкальское XXXI // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2004. Вып. 2. С. 134–150.

23. Харинский А.В. Престижные вещи в погребениях байкальского побережья конца I тыс. до н. э. – начала II тыс. н. э. как показатель региональных культурно-политических процессов // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии : сб. науч. трудов / под. ред. Ю.В. Кирюшина, А.А.Тишкина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004а. С. 108–114.

24. Харинский А.В. Вооружение жителей Приольхонья в III в. до н. э. – IV в. н. э. и некоторые тенденции развития военного дела населения Предбайкалья // Снаряжение кочевников Евразии : сб. науч. тр. / отв. ред. А.А.Тишкин. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 46–51.

25. Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005а. Вып. 3. С. 198–215.

26. Харинский А.В. О хуннах в Предбайкалье // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие) : мате-

риалы междунар. науч. конф. 23–29 августа 2005 г., Улан-Удэ. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2005б. С. 15–17.

27. Харинский А.В. Лесостепное Предбайкалье в хунну-сяньбийское время // Народы Внутренней Азии: этносоциальные процессы в геополитической и цивилизационной динамике. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. Гос. ун-та, 2006. С. 11–15.

28. Харинский А.В. Население лесостепного Предбайкалья и его соседи в конце I тыс. до н. э. – начале I тыс. н. э. // Современные проблемы археологии России : сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006а. Т.2. С. 96–98.

29. Харинский А.В., Коростелев А.М. Результаты исследования погребально-поминального комплекса Цаган-Хушун II «а» в Приольхонье // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы междунар. науч. конф. (Иркутск, 3–7 мая, 2011 г. / под общ. ред. А.В. Харинского. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С. 377–385.

30. Харинский А.В., Коростелев А.М. Западное побережье оз. Байкал в хуннское время (по материалам могильника Цаган-Хушун-II) // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история: сб. науч. ст. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011а. С. 173–202.

31. Харинский А.В., Снопков С.В. Производство железа населением Приольхонья в елгинское время // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2004. Вып. 2. С. 167–187.

32. Stuiver M., Reimer P.J. Extended 14C database and revised CALIB radiocarbon calibration program. Radiocarbon. 1993. № 35. P. 215–230.

Сведения об авторе

Харинский Артур Викторович, доктор исторических наук, профессор, руководитель Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИрГТУ, Иркутский государственный технический университет, 664074, Россия, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, тел.: 89149002144, e-mail: kharinsky@mail.ru

Kharinsky Artur Victorovich, doctor of science, professor, director of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Subsistence of people of the Northern Asia (ISTU), Irkutsk State Technical University, 83 Lermontova St., Irkutsk, 664074, Russia, tel.: 89149002144, e-mail: kharinsky@mail.ru